

Дэн Ворд
Парфюмер

Дэн Ворд

Парфюмер

<https://litres.ru/74303523>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бенинктон, 1965 год. Итальянское побережье, море, жасмин у калиток и старые тайны, которые не выветриваются даже солёным ветром.

Леонардо — парфюмер, который лишился зрения на войне. Но он видит мир иначе: через запахи, через прикосновения, через память. Каждый день он стоит у окна библиотеки и вдыхает воздух, который приносит ему голос Клары — женщины, которая ждёт мёртвого жениха.

Клара приходит к нему с просьбой: создать аромат, который вернёт ей прошлое. Но Леонардо знает то, что она не должна услышать. Он знает, что в ту ночь, когда умирал её жених, он украл у неё нечто большее, чем просто письма.

Это история о запахе, который не сотрётся временем. О любви, которая родилась в темноте. И о том, как слепой человек увидел женщину своей жизни.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дэн Ворд Парфюмер

Глава

Глава 1

Бенинктон, 1965 год. Октябрь.

Первый запах, который он запомнил в своей жизни, был запахом материнского молока. Теплый, сладковатый, чуть отдающий овсянкой. Вторым был запах отцовского табака — резкий, горький, въедающийся в усы. Третьим — запах моря, которое плескалось в ста метрах от их дома на виа Гарибальди.

После того как он ослеп, эти три запаха стали его якорем. Когда мир погружался в хаос — когда он слышал, как синьора Розетта плачет по мужу, убитому на войне, или когда чувствовал приближение зимы по запаху мокрой шерсти, — Леонардо возвращался к ним. Материнское молоко. Отцовский табак. Море.

И еще один. Тот, который появился позже.

Чужой запах.

Запах вины.

Он сидел в своей мастерской, и пальцы его двигались с той слепой уверенностью, которой можно научиться только

за двадцать лет темноты. Перед ним на деревянном столе стояли тридцать пузырьков. Он знал каждый на ощупь: по высоте, по весу, по температуре стекла на солнце.

Бергамот. Второй слева, низкий, чуть тяжелый.

Лаванда. Третий справа, легкий, как пух.

Сандал. В центре, самый теплый.

Леонардо смешивал их в пипетке. Семь капель одного, четыре другого, одна — третьего. Он склонил голову к запястью, где уже была нанесена капля, и вдохнул.

Нет.

Что-то было не так. Слишком сладко. Слишком приторно, как дешевый одеколон для шоферов. Он вылил смесь в раковину, сполоснул пипетку водой. Вода пахла медью — в Бенингтоне были старые трубы, и Лео знал об этом лучше, чем кто-либо. Он мог определить, из какого крана течет вода, по одному только запаху.

— Лео! — раздался голос снизу.

Он узнал этот голос. Принадлежал он синьору Фернандо, хозяину табачной лавки. Фернандо пах так же, как его лавка: табаком, мятными леденцами и вечным одиночеством. Его жена бросила его двадцать лет назад — ровно тогда, когда Лео ослеп.

— Что случилось? — крикнул Лео, не поднимаясь из-за стола.

— К тебе пришли! — крикнул Фернандо. — Молодая сеньорина. Очень красивая, между прочим! Чуть не сбила меня с ног, так спешила!

Лео замер.

Его пальцы остановились над пузырьком с жасмином.

Она.

Он знал, что она придет. Он ждал этого три дня — с того самого утра, когда она остановилась на улице и спросила про человека, которого она потеряла. Он знал, что она не отступится. Клара была из тех женщин, которые идут по запаху следа, как гончие.

— Пусть поднимется, — сказал Лео, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он услышал ее шаги по лестнице. Ступени скрипели — старая сосна, прогнувшаяся от времени. Она поднималась медленно, разглядывая стены. Лео знал, что там висели его дипломы — он не видел их, но помнил, что они пахли лаком и типографской краской.

Дверь открылась.

В мастерскую ворвался ветер с улицы — и вместе с ним запах Клары.

Жасмин. Книжная пыль. Фиалки. И этот странный, едва уловимый запах йода, который он заметил еще в первый раз. Йод, смешанный с мылом — как будто она только что мыла руки после перевязки.

Он медленно поднял голову. Его слепые глаза, серые, по-

чти прозрачные, смотрели куда-то в пространство — в сторону ее голоса. Он не видел ее лица, но чувствовал, как она смотрит на него. На его глаза. На шрам, который пересекал его правую бровь и спускался к скуле.

— Синьор Леонардо, — сказала она. Голос был тверже, чем в прошлый раз. Она пришла с решимостью. — Я знаю, что вы меня обманули три дня назад.

— Я не понимаю, о чем вы, — сказал он, и его пальцы взяли пузырек с жасмином. Просто чтобы занять руки.

— Вы сказали, что я ошиблась дверью, — сказала Клара. Она сделала шаг вперед. Лео слышал, как ее туфли ступили на старый паркет. — Но вы были тем санитаром. Я проверяла. Ваше имя есть в госпитальных записях сорок четвертого года. Вы были в том палаточном госпитале под Монте-Кассино.

Лео молчал.

Он чувствовал ее запах. Он становился интенсивнее — запах гнева. Он знал этот запах. Так пахнет озон перед грозой, когда воздух становится тяжелым и колючим.

— Да, — сказал он наконец. — Я был там.

— Вы знали Маттео, — сказала она. Это был не вопрос.

Лео кивнул. Медленно.

— Я его лечил, — сказал он. И это была правда. Половина правды. Самая безопасная ее половина. — Он был в тяжелом состоянии. Осколочное ранение в грудь.

— Он умер у вас на руках? — спросила Клара, и в ее го-

лосе проскользнула та нота, которую Лео боялся услышать больше всего. Надежда. Она надеялась, что нет. Она надеялась, что Маттео жив.

— Да, — сказал Лео. — Он умер у меня на руках.

Клара замолчала.

В комнате было слышно только, как за окном ветер гоняет сухие листья по мостовой. И как где-то вдалеке кричит чайка.

— Он что-нибудь сказал перед смертью? — спросила она. Вот оно.

Лео сжал пузырек с жасмином так сильно, что стекло почти треснуло. Его слепые глаза смотрели в пустоту, но перед ним встала та картина. Палатка. Запах крови и грязи. Лампа, качающаяся от ветра. И Маттео — молодой, с разорванной грудью, с глазами, которые бешено искали что-то в темноте.

— Лео, — прохрипел тогда Маттео. — Лео, я знаю, ты читал письма. Я знаю, ты влюбился в нее по письмам. Я все знаю. Я слышал, как ты шептал их ночью, когда думал, что я сплю.

Лео тогда замер. Его руки, перевязывающие рану, остановились.

— Не дай мне умереть, — сказал Маттео. — Если я умру, ты никогда не сможешь на нее посмотреть. Ты будешь видеть мое лицо. Ты будешь знать, что ты украл ее у меня.

И тогда Маттео выхватил из его рук осколок зеркала — от разбитой лампы — и полоснул Лео по глазам.

Лео не сопротивлялся. Он сам замер. Потому что знал: Маттео прав.

Он украл Клару. По буквам. По запаху бумаги, на которой были написаны письма.

— Он сказал, — произнес Лео вслух, возвращаясь в настоящее, — он сказал: «Передай Кларе, что я люблю ее. Скажи, что я буду ждать ее там, где пахнет морем».

Это была ложь.

Но Клара всхлипнула.

Лео услышал этот звук и понял: он только что сделал это. Он только что впутал ее еще глубже. Он солгал ей в лицо и добавил в свою ложь запах моря — тот самый, что связывал их троих.

— Синьор Леонардо, — сказала Клара, и ее голос дрожал, — я прошу вас об одной вещи. Создайте его запах. Запах Маттео. Я хочу чувствовать его рядом с собой. Я хочу знать, что он был реальным.

Лео поднял пузырек с жасмином.

Он знал, что не сможет создать запах Маттео. Потому что в его памяти Маттео пах только одним — кровью, страхом и той ужасной медью, которая появляется, когда человек умирает.

Но он не мог отказать. Он чувствовал, что если он откажет — она уйдет навсегда. И он останется здесь, в своей мастерской, с запахами, которые никому не нужны.

— Я попробую, — сказал он. — Но это может занять вре-

мя.

— Я подожду, — сказала Клара. — Я ждала двадцать лет. Подожду еще сколько нужно.

Она повернулась и пошла к двери. Лео слышал, как ее юбка шелестит по паркету. И в этом шелесте ему слышалось что-то еще.

Ее запах изменился.

В нем появилась новая нота. Та, которую он не мог объяснить. Теплая. Чуть горькая. Похожая на цветущий миндаль.

Она пахла прощением. Которого он не заслужил.

Дверь закрылась.

Лео остался в комнате один. Его пальцы разжались, и пухляк с жасмином упал на стол, покатился к краю. Он не стал его ловить.

Он просто сидел, глядя слепыми глазами в стену, и вдыхал воздух, который остался после нее.

И в этом воздухе он снова слышал шепот Маттео.

«Ты украл ее у меня, Лео. Ты украл ее по буквам. Теперь ты ослеп, но ты все равно видишь ее. Как я тебя ненавижу».

Лео медленно провел пальцами по лицу — по шраму, который пересекал глазницу.

— Прости меня, Маттео, — прошептал он в пустоту. — Но я не могу ее отпустить.

Глава 2. Медь на языке

Монте-Кассино, Италия. Октябрь 1944 года.

Он тогда еще видел.

Мир был для Леонардо цветным, шумным и слишком быстрым. Ему было двадцать один год, и он ненавидел войну не за то, что она убивала, а за то, что она пахла. В госпитальной палатке, куда его определили санитаром, запахи смешивались в один густой, удушающий коктейль: йод, гной, пот, махорка и — самое страшное — сладкий, приторный запах гангрены, который означал, что ногу или руку уже не спасти.

— Лео! — крикнул главный хирург, доктор Бьянки. — Еще одного! Быстро!

Лео схватил носилки и выбежал наружу.

Октябрь под Монте-Кассино был холодным, ветреным и серым. Небо висело низко, как мокрое одеяло. Где-то в горах все еще стреляли, но здесь, в долине, было относительно тихо — если не считать бесконечного гула грузовиков и криков раненых.

Он увидел его сразу.

Молодой солдат лежал на земле, прижав руки к груди. Его форма была разорвана, и сквозь дыры Лео видел рваную рану — осколок мины вошел прямо под ключицу и застрял где-то внутри. Кровь шла медленно, но упорно.

— Помогите! — крикнул солдат. — Пожалуйста!

Его голос был молодым. Слишком молодым. Ему было не больше двадцати.

Лео упал на колени рядом с ним, наложил жгут поверх раны, затянул.

— Как тебя зовут? — спросил Лео, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Он знал это правило: если раненый говорит — он еще дышит. Молчание было страшнее любой крови.

— Маттео, — выдохнул солдат. — Маттео Риччи. Я из Бенинктона. Ты знаешь Бенинктон?

Лео замер.

Бенинктон. Маленький городок на побережье Лигурии. Тот самый, где он родился, где его отец курил табак на балконе, а мать пахла овсянкой.

— Я оттуда, — сказал Лео, подхватывая его под руки. — Я из Бенинктона. Ты дойдешь, слышишь? Мы тебя вытащим.

Он потащил Маттео в палатку. Солдат был легким — он, видимо, уже потерял много крови. Его глаза были открыты, и в них плескалась такая же серая осень, как над горами.

— Я не хочу умирать, — сказал Маттео. — Я только что женился. Ну, почти. Мы должны были пожениться в декабре. Ее зовут Клара. Она ждет меня.

Лео положил его на койку. Хирург Бьянки мельком взглянул на рану и покачал головой — едва заметно, так что только Лео увидел.

— Много крови, — сказал Бьянки. — Перевяжи его. Если осколок задел легкое... — он не договорил. Он пошел к следующему раненому, оставляя Лео с Маттео.

Лео начал перевязывать рану. Его руки тряслись. Он ненавидел, когда руки тряслись.

— У тебя есть письма? — спросил Маттео, глядя на него.

— От кого-нибудь? Родные пишут?

— Родные, — сказал Лео. — Мать пишет. Отец пишет. И девушка. Бывшая.

Маттео слабо улыбнулся.

— А у меня есть письма, — сказал он. — Клара пишет мне каждый день. Она пишет, что ждет. Что посадила жасмин во дворе. Ты знаешь, как пахнет жасмин?

Лео кивнул. Он знал. В Бенингтоне жасмин рос на каждом балконе.

— Я читаю их каждый вечер, — продолжал Маттео. Его голос становился тише. — Она пишет так красиво. Как будто... как будто я там, на балконе, и она рядом. Хочешь, прочитаю тебе одно?

— Не надо, — сказал Лео. — Тебе нужно отдыхать.

— Нет, — настаивал Маттео. — Пожалуйста. Пусть хоть кто-то услышит. Если я умру — кто узнает, что я ее любил?

Лео посмотрел в его глаза. Серые, молодые, наполненные такой отчаянной надеждой, что его собственное сердце сжалось.

— Читай, — сказал он.

Маттео полез в нагрудный карман. Там лежала пачка писем, перевязанных тонкой бечевкой. Он протянул их Лео.

— Возьми, — сказал он. — Ты будешь читать мне вслух. Я хочу слышать ее голос. Твой голос... твой голос похож на меня. Читай так, как будто ты — я.

Лео развязал бечевку. Письма пахли жасмином. И бума-

гой. И фиалками — Клара, видимо, сушила цветы между страниц.

Он начал читать.

«Мой дорогой Маттео. Сегодня я видела море. Оно было спокойным, как ты, когда ты спишь. Я сидела на скале и думала о тебе. Жасмин расцвел. Я хочу, чтобы ты увидел его, когда вернешься. Мы посадим еще один куст — у калитки, чтобы ты проходил мимо и вдыхал его каждый день. Я жду тебя. Только ты и я. Только наше море и наш жасмин...»

Лео читал. Его голос дрожал. Он не знал Клару, никогда ее не видел, но в этих строчках, в этом запахе бумаги и сухих цветов он вдруг ощутил что-то, чего не чувствовал никогда.

Он влюбился.

Не в женщину. В слова. В ее голос, который он слышал через написанные буквы. В ее запах, который остался на этих письмах — жасмин, фиалки, чуть слышный йод (она работала медсестрой в местной больнице).

— Еще, — прошептал Маттео. Его глаза были закрыты.
— Читай еще. Я хочу слышать ее.

Лео читал. Он читал все письма. Одно за другим. Он запоминал каждое слово. Каждый запах. Каждую интонацию, которую он сам придумывал.

Он читал до тех пор, пока Маттео не заснул. Или не потерял сознание. Лео не знал.

Он сидел рядом с ним, держа в руках пачку писем, и думал:

Она существует. Она здесь. Она ждет.

Он положил письма обратно в карман Маттео и вышел из палатки. Он должен был перевязать других раненых. Он должен был делать свою работу.

Но вместо этого он стоял под серым октябрьским небом, и на языке у него был вкус меди — крови, которая сочилась из раны Маттео.

И вкус жасмина, который принадлежал ему.

Прошло три дня.

Маттео метался в бреду. Инфекция пошла в кровь. Доктор Бьянки сказал, что шансов мало. Лео сидел рядом с ним каждую ночь, когда его смена заканчивалась. Он держал его за руку и читал письма — те же самые, снова и снова.

Он уже знал их наизусть.

Он знал, что Клара любит фиалки. Что она боится грозы. Что ее мать умерла, когда ей было десять, и она научилась печь хлеб, чтобы прокормить отца. Что она носит на шее медальон с фотографией Маттео и маленькой веточкой жасмина.

Он знал о ней больше, чем о любой женщине в своей жизни.

И он ненавидел себя за то, что влюблен.

Он сидел рядом с умирающим, читал его письма, сжимал его руку — и мечтал о его девушке. О девушке, которая ждала и не знала, что ее Маттео умирает. Что она никогда не увидит его на пороге с веткой жасмина.

— Лео, — прохрипел Маттео на четвертую ночь.

Лео вострепнулся.

Маттео смотрел на него. Глаза были ясными. Слишком ясными. Лео знал этот взгляд. Он видел его у умирающих — они смотрели так, когда прощались.

— Я знаю, — сказал Маттео. — Я все знаю.

— Что? — переспросил Лео. — Что ты знаешь?

— Ты читал письма. Ты читал их ночью, когда думал, что я сплю. Я слышал твой голос. Ты говорил ее слова. Ты говорил так, будто они были твои.

Лео замер.

— Я не хотел, — сказал он. — Я просто...

— Ты влюбился в нее, — сказал Маттео. Его голос был спокоен. Слишком спокоен. — Ты влюбился в мою Клару. Я знаю. Я вижу это по твоему лицу, когда ты держишь письма. Ты читаешь их так, будто они написаны тебе.

Лео молчал.

— Я не хочу умирать, Лео, — сказал Маттео. — Но если я умру... ты никогда не сможешь на нее посмотреть. Потому что я буду между вами. Я буду в каждом ее письме. Я буду в каждой ветке жасмина. Ты будешь видеть мое лицо, когда будешь смотреть на нее.

Лео сглотнул.

— Ты будешь должен мне, — сказал Маттео. — Ты будешь должен мне всю жизнь.

И тогда Маттео выхватил из рук Лео осколок зеркала —

от разбитой лампы, которая стояла рядом. Лео не успел среагировать.

Маттео полоснул его по лицу.

Лео почувствовал резкую боль в глазах. Что-то горячее и соленое залило лицо. Он вскрикнул, упал на спину, закрывая лицо руками.

— Прости меня, — прошептал Маттео. Его голос уже слабел. — Но я не хочу, чтобы ты ее увидел. Ты не увидишь ее. Ты будешь помнить только ее голос. Только запах. Как я. Как я умираю.

Лео кричал от боли. Он слышал, как в палатку вбегают люди. Чьи-то руки отдирали его руки от лица. Чей-то голос кричал: «Он ослеп! Он ослеп!»

А потом он услышал, как Маттео выдохнул.

Это был последний выдох. Тихо. Почти беззвучно.

И запах меди, который Лео запомнит на всю жизнь, стал его последним зрением.

Бенинктон, 1965 год. Та же мастерская.

Лео открыл глаза.

Он сидел на полу своей мастерской, прижав руки к лицу. Те же руки, которые когда-то держали письма Клары. Те же пальцы, которые Маттео отбросил в сторону.

Он плакал.

Но слез не было — его глаза высохли двадцать лет назад. Была только сухая, горячая пустота, которая раздирала лицо

изнутри.

Запах жасмина все еще витал в комнате — от ее визита. Он вдохнул его и почувствовал, как сердце снова сжимается.

Он был жив.

Она была рядом.

А Маттео был между ними.

— Прости меня, — прошептал Лео в пустоту. — Прости меня, Маттео.

Тишина не ответила.

Только ветер за окном шелестел сухими листьями и пах морем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.